

5 Любимый писатель

Немного уже нас осталось из тех, кто знал А. П. Чехова лично, кто был знаком или близок с ним, особенно в его молодые годы — годы расцвета. Я познакомился с ним 57 лет тому назад, когда только что вышла его книга «В сумерках» — первая за подписью «Антон Чехов», а не «Чехонте», как раньше. Он только что выступил на настоящую литературную дорогу, и дальнейшая его деятельность проходила на моей памяти, на моих глазах.

Далеко не сразу был он признан влиятельной критикой: Михайловский отозвался о нем холодно и небрежно, а Скабичевский пророчил, что Чехов непременно сохнет и умрет под забором... Но читатели живо интересовались молодым писателем и сумели верно понять и оценить его сами без посторонней помощи. Только маститый старец, крупный беллетрист того времени, Григорович восторженно приветствовал в Чехове новый литературный талант, настоящий, выдвигающий его далеко из круга литераторов нового поколения. Читатели не только высоко ценили Чехова, но и полюбили его. И любовь эта с годами росла и становилась всеобщей.

В одном из дружеских писем Чехов говорил о себе:

«Такие люди недолго выдерживают. Все мною написанное, забудется через 5—10 лет, но пути мною проложенные будут целы и невредимы — в этом моя единственная заслуга».

Горький, всегда высоко ценивший Антона Павловича, утверждал, что в русской литературе еще не было новеллиста, подобного Чехову, что он у нас теперь самая ценная и крупная фигура — могучий талант: что он, как стилист, единственный из художников нашего времени, усвоивший искусство писать так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно, один из лучших друзей России, любящий ее и сострадающий ей во всем.

«Это был обаятельный человек: скромный, милый», — так отзывался о Чехове Лев Николаевич Толстой, любивший и ценивший его творчество. И он же, этот великий писатель земли русской, дал свое знаменательное определение

— Чехов — это Пушкин в прозе.

Еще в ранней юности, гимназистом, Чехов интересовался театром и даже у себя дома в «Ревизоре» играл городничего. Но старый театр не удовлетворял его. Он мечтал об ином театре, где нет рутинных, наигрыша, где все, как в настоящей жизни. И вот написана была «Чайка», постав-

ленная впервые в Петербурге. Пьеса скандально провалилась, и Чехов в ту же ночь уехал, почти «убежал», в Москву, дав себе слово никогда более не писать для театра.

«Моя Чайка имела в Петербурге на первом представлении громадный неуспех. Театр дышал злобой. Воздух сперся от несправедливости, и я по законам физики вылетел из Петербурга, как бомба».

Так писал Чехов Немировичу-Данченко. А через год с небольшим Немирович пишет Чехову горячую просьбу отдать эту «Чайку» в задуманный им и Станиславским новый театр, который будет исключительно художественным, где надо показать талантливейших и недостаточно понятых русских авторов.

«Чайка», — писал Немирович, — единственная современная пьеса, захватывающая меня, как режиссера, а ты — единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром».

Петербургский провал пьесы отпугивал от нее московскую публику. Кроме того, боялись, что в случае неуспеха новая обила тяжело отразится на здоровье Чехова, который в то время серьезно болел. С чувством большой ответственности и перед автором и перед будущностью молодого театра, еще не окрепшего, артисты Художественного театра приступили к этому спектаклю. В великом волнении раздвинули они перед публикой свой серый занавес, и горсть молодежи — недавних «учеников» и недавних «любителей» — мужественно повела защиту этой чудесной пьесы.

«Как мы играли — не помню, — говорит Станиславский. — Первый акт копился при гробовом молчании зрительного зала. Одна из артисток упала в обморок, я сам едва держался на ногах от отчаяния. Но вдруг, после долгой паузы, в публике поднялся рев, треск, бешеные аплодисменты. Занавес пошел... раздвинулся... опять задвинулся, а мы стояли, как обалделые. Потом слова рева... и слова занавеса. Мы все стояли неподвижно, не соображая, что нам надо раскланиваться. Наконец, мы почувствовали успех и, немощно взволнованные, стали обнимать друг друга, как обнимаются в пасхальную ночь. М. П. Лилиной, которая играла Машу и своими заключительными словами пробила лед в сердцах зрителей, мы устроили овацию. Успех рос с каждым актом и окончился триумфом. Чехову была послана подробная телеграмма». И Чехов ответил на это тоже

телеграммой: «Передайте всем:—Бесконечно и всей душой благодарю. Ваша телеграмма сделала меня здоровым и счастливым».

Огромный успех «Чайки» дал Чехову уверенность в его новаторстве и толкнул его на писание других пьес для Художественного театра, ставшего блестящим источником образов Чехова.

Через год театр ставит вторую пьесу — «Дядя Ваня», и этот спектакль становится самым любимым в Москве. Несомненно, что без «Чайки» и «Дяди Вани» Художественный театр не был бы тем и таким, каким стал, не нашел бы таких верных путей к сердцу своего зрителя. Несомненно и то, что без Художественного театра Чехов не написал бы своих «Трех сестер», выдвинувших целый ряд замечательных артистов, не написал бы и «Вишневого сада» — своей лебединой песни. Чехов и МХАТ слились воедино и стали неразделимы один без другого.

В свое время Станиславский говорил:

— От Чехова прилетела к нам Чайка; она принесла нам счастье и указала новые пути в нашем искусстве.

А Чехов писал:

— Художественный театр — это лучшие страницы той книги, которая когда-либо будет написана о современном русском театре.

Среди его писем к Немировичу-Данченко встречаются и такие полусуточные строки: «Я готов быть швейцаром в вашем театре». Или еще: «Я завидую той крысе, которая живет под стенами вашего театра».

После премьеры «Вишневого сада» в Москве говорили:

— Художественный театр сделал Чехова сценичным, а Чехов сделал Художественный театр — художественным. Какое счастье выпало на долю драматурга! Какое счастье выпало на долю театра! — так говорила Москва.

Творчество Чехова многогранно, лирика его поэтична, юмор его неисчерпаем, а вера в лучшее будущее человечества непоколебима. С течением лет имя Чехова не только не бледнеет, но становится все более дорогим и славным, и не только на родине, среди нас, но и во всем культурном мире.

★

Последняя наша встреча была в Москве, накануне отъезда Чехова за границу. Я уже знал, что он очень болен; вернее очень плох. Хотя я и был подготовлен к тому, что увижу, но то, что я увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подуш-

ками, с плодом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький человек, с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ и изнурен Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться. А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми глазами и говорит:

— Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать.

Тихая сознательная покорность отражалась в его глазах.

— Больше уже не встретимся.

Сомневаться в том, что мы видимся в последний раз, не приходилось. Было это так ясно. Я боялся заговорить полным голосом, боялся зашуметь сапогами. Нужна была какая-то нежная тишина, нужно было с открытой душой принять те немногие слова, которые были, несомненно, для меня последними и исходили от чистого и прекрасного — чеховского сердца.

— Поклонитесь от меня писателям, вашим товарищам. Хороший народ у вас подобрался, талантливый. Скажите им, что я их помню и некоторых очень люблю и ценю. Пожелайте им от меня счастья и успехов.

На другой день он уехал. А месяца через два, в Баденвейлере, вечером 15 июля, когда средства борьбы были уже исчерпаны, доктор велел дать больному шампанского. Но ведь больной был сам — доктор и понимал значение этой меры. Он сел и как-то значительно и громко сказал доктору по-немецки:

— Я умираю.

Потом взял бокал, повернулся лицом к жене и с улыбкой проговорил последние слова в жизни:

— Давно я не пил шампанского...

По словам жены, он спокойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навеки.

Через несколько дней всей Москвой, как близкого, как любимого и родного, проводили мы Чехова до его могилы в Новодевичьем монастыре.

— Глава о Чехове еще не кончена, — писал в свое время Станиславский. — Ее еще не прочли как следует, не выжили в ее сущность и преждевременно закрыли книгу. Пусть же ее раскроют вновь и дочтут до конца.

И вот настала такая пора. В советскую эпоху весь наш народ горячо чтит память своего великого писателя Антона Павловича Чехова. Любимая им Москва готовит ему теперь достойный памятник на одной из лучших своих площадей.

Н. ТЕЛЕШОВ,

заслуженный деятель искусств.

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК

Г. МОСКВ

13 ИЮЛ 1944